Белкова София

СЕДЬМОЙ СВИДЕТЕЛЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иногда самое страшное — не преступление, а ложь, которая прячется за ним...

София Белкова

Седьмой свидетель

https://litres.ru/74659819
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать пять лет назад в небольшом городе произошло убийство, которое навсегда изменило судьбы нескольких людей. Одного человека обвинили в преступлении, другого объявили погибшим, а показания единственного свидетеля переписали так, чтобы правда больше никогда не вышла наружу.

«Седьмой свидетель» — психологический детектив о памяти и предательстве, семейных тайнах и цене молчания, о людях, которым предстоит сделать выбор между удобной ложью и трудной правдой.

Содержание

АННОТАЦИЯ 4
СОДЕРЖАНИЕ 5
Глава первая. Смерть без свидетелей 7
Глава вторая. Фотография, которой не должно было быть 16
Глава третья. Могила без имени 31
Глава четвёртая. Женщина, которая не открывала дверь 50
Глава пятая. Подпись мёртвой женщины 65
Глава шестая. Человек на конечной 84
Конец ознакомительного фрагмента. 100

София Белкова
Седьмой свидетель

АННОТАЦИЯ

Двадцать пять лет назад в небольшом городе произошло убийство, которое навсегда изменило судьбы нескольких людей. Одного человека обвинили в преступлении, другого объявили погибшим, а показания единственного свидетеля переписали так, чтобы правда больше никогда не вышла наружу.

Теперь прошлое возвращается. Капитан Михаил Корнеев привык доверять фактам и профессиональному опыту. Но расследование старого дела заставляет его усомниться в собственных воспоминаниях, семейной истории и людях, которых он считал близкими. Поддельные документы, исчезнувшие свидетели и чужие тайны постепенно складываются в опасную картину преступления, за которым стоят деньги, страх и влиятельные люди, привыкшие оставаться безнаказанными.

«Седьмой свидетель» — психологический детектив о памяти и предательстве, семейных тайнах и цене молчания, о людях, которым предстоит сделать выбор между удобной ложью и трудной правдой.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Смерть без свидетелей
Глава вторая. Фотография, которой не должно было быть
Глава третья. Могила без имени
Глава четвёртая. Женщина, которая не открывала дверь
Глава пятая. Подпись мёртвой женщины
Глава шестая. Человек на конечной
Глава седьмая. Ночь, которую он забыл
Глава восьмая. Две девушки и одна смерть
Глава девятая. Голос из подвала
Глава десятая. Мёртвые не возвращаются
Глава одиннадцатая. Фамилия в списке
Глава двенадцатая. Камера № 317
Глава тринадцатая. Чужой сын
Глава четырнадцатая. Женщина за дверью
Глава пятнадцатая. Человек под чужим именем
Глава шестнадцатая. Девять месяцев до рождения
Глава 17. Человек, которого не должно быть
Глава 18. Два сына
Глава 19. Пустая могила
Глава 20. Дважды похороненный
Глава 21. Выстрел в темноте
Глава 22. Те, кто остался
Глава 23. Чужая подпись

Глава 24. Человек, который не стрелял
Глава 25. Седьмой свидетель

Глава первая. Смерть без свидетелей

◆

В городе Лесогорске умели хранить тайны.

Не потому, что жители отличались особой сдержанностью. Напротив, здесь знали, кто с кем живёт, кто кому изменяет, у кого сын вернулся из армии с чужими часами, а кто в прошлом месяце продал дачу и почему теперь покупает дорогие лекарства.

Тайны здесь хранили по другой причине: каждый понимал, что однажды чужая тайна может оказаться единственным способом спасти собственную жизнь.

Поэтому, когда в среду утром в квартире Виктора Андреевича Руднева обнаружили мёртвого хозяина, город заговорил уже к полудню.

А к вечеру у каждого была своя версия.

— Сердце, — уверенно сказала продавщица из магазина напротив его дома. — У него давно с сердцем было неладно.

— Какое сердце? — возразил её муж. — Он же на прошлой неделе на охоту собирался.

— Вот именно. Собирался, да не поехал.

— Откуда знаешь?

— Мне Нина Павловна сказала.

Нина Павловна, разумеется, ничего подобного не говорила. Но в Лесогорске это уже не имело значения.

Сам Руднев никому ничего объяснить не мог.

Он сидел в своём рабочем кресле, слегка откинув голову назад. На нём была белая рубашка, тёмные брюки и домашние тапочки. Правая рука лежала на подлокотнике, левая свисала почти до пола. На письменном столе стоял стакан с водой, рядом лежали раскрытая папка и дорогая авторучка.

Всё выглядело так, словно человек работал допоздна, почувствовал себя плохо и не успел позвать на помощь.

В квартире не было беспорядка. Ничего не пропало. Следов борьбы не обнаружили.

Входная дверь оказалась заперта на два оборота изнутри. Окна были закрыты. Ключи лежали в прихожей на привычном месте.

Первое заключение было осторожным: вероятная естественная смерть.

Второе оказалось куда интереснее.

— Не нравится мне это, — сказал капитан полиции Михаил Корнеев.

Он стоял посреди кабинета покойного и смотрел на письменный стол.

— Что именно? — спросил эксперт.

Корнеев не ответил сразу.

Ему было сорок три года. В Лесогорске он служил почти

пятнадцать лет, успел увидеть достаточно убийств, чтобы перестать верить в очевидные объяснения, и достаточно оправдательных приговоров, чтобы бояться собственных догадок.

Он не любил людей, которые слишком хорошо знали, как должно выглядеть место преступления.

Руднев относился именно к таким.

Адвокат был известен на всю область. Он выигрывал дела, которые другие считали безнадёжными, мог заставить свидетеля усомниться в собственных воспоминаниях и обладал неприятным талантом превращать чужую правду в юридически бесполезный набор слов.

Его боялись судьи, уважали коллеги и ненавидели некоторые бывшие клиенты.

Но никто не мог сказать, что Руднев был глуп.

— Посмотрите на стакан, — произнёс Корнеев.

Эксперт наклонился над столом.

— Вода?

— Да. А теперь посмотрите на папку.

Папка лежала перед креслом, раскрытая на середине. На верхнем листе виднелись несколько строк, написанных от руки. Чернила ещё не выцвели, но последняя строка обрывалась на полуслове.

— Он что-то писал перед смертью, — заметил эксперт.

— Возможно.

— Вы думаете, он успел написать имя убийцы?

Корнеев посмотрел на него с недовольством.

— Я думаю, что вы слишком много читаете детективов.

Он подошёл к столу и остановился.

На листе было написано:

«Если со мной что-нибудь случится, найдите человека, который…»

Дальше шли три слова, перечёркнутые несколькими резкими линиями.

Под ними стояла дата: 17 октября 2001 года.

Корнеев медленно выпрямился.

Он знал эту дату.

Двадцать пять лет назад в Лесогорске погибла семнадцатилетняя девушка по имени Елена Соколова. Её тело нашли в старом карьере за городом. Следствие длилось почти полгода. В конце концов виновным признали местного парня, который вскоре после суда покончил с собой в колонии.

Дело считалось закрытым.

Руднев тогда представлял интересы семьи погибшей.

И именно он добился обвинительного приговора.

— Михаил Сергеевич? — позвал эксперт.

Корнеев не услышал.

Он смотрел на дату и вспоминал газетную фотографию двадцатипятилетней давности: молодая девушка с короткими тёмными волосами, чуть насмешливым взглядом и тонкой цепочкой на шее.

Под фотографией было написано: «Елена Соколова. Последний вечер перед трагедией».

Корнеев помнил эту фотографию по другой причине.

За неделю до гибели Елена приходила в отделение полиции.

Она хотела поговорить со следователем.

Но тогда её никто не принял.

— Изымите папку целиком, — сказал он. — И проверьте, что это за документы.

— А смерть?

— Смерть пока не трогаем. Пусть эксперты работают.

Корнеев достал телефон и набрал номер начальника отдела.

— У нас проблема, — сказал он, когда услышал знакомый голос. — Руднев умер.

На том конце повисла пауза.

— Я уже знаю. Сердце?

— Пока неизвестно.

— Тогда в чём проблема?

Корнеев посмотрел на незаконченные строки.

— Он вернулся к делу Соколовой.

— Откуда ты знаешь?

— Дата на столе.

— Михаил, не начинай. Дело закрыто четверть века назад.

— Я ничего не начинаю.

— Вот и хорошо. Оформи всё как положено. Не надо вытаскивать старые кости только потому, что тебе скучно.

Начальник отключился.

Корнеев убрал телефон в карман.

В этот момент в прихожей раздались шаги. Молодой участковый заглянул в кабинет.

— Михаил Сергеевич, там женщина.

— Какая женщина?

— Пожилая. Говорит, ей обязательно нужно с вами поговорить.

— По какому вопросу?

Участковый замялся.

— Она говорит, что знает, кто убил Руднева.

Корнеев посмотрел на часы.

— Пусть заходит.

Женщина вошла не сразу. Сначала показалась её рука, сжимавшая потёртую кожаную сумочку, потом тёмное пальто, застёгнутое на все пуговицы, и наконец лицо.

Ей было около семидесяти. Седые волосы были аккуратно убраны под небольшую шляпку. На лице не было ни слёз, ни испуга. Только усталость человека, который слишком долго нёс тяжёлую ношу и наконец решил поставить её на пол.

Она остановилась у двери.

— Вы капитан Корнеев?

— Да. Присаживайтесь.

Женщина осталась стоять.

— Я пришла не для того, чтобы давать показания.

— А зачем?

Она посмотрела в сторону кабинета Руднева.

— Чтобы сказать вам: не ищите убийцу среди тех, кто имел повод желать ему смерти.

Корнеев нахмурился.

— А где мне его искать?

— Среди тех, кого он спас.

Женщина открыла сумочку и достала старую фотографию.

На снимке стояли семеро молодых людей. Шестеро смотрели прямо в объектив. Седьмой отвернулся, и его лицо оказалось скрыто тенью.

На обороте было написано от руки:

«Мы договорились молчать. 17 октября 2001 года».

— Кто эти люди? — спросил Корнеев.

— Свидетели.

— Свидетели чего?

Женщина впервые отвела взгляд.

— Убийства Елены Соколовой.

Корнеев почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— В деле было шесть свидетелей.

— Нет, капитан. В деле было шесть показаний.

Она положила фотографию на стол.

— А свидетелей было семеро.

— Кто седьмой?

Старуха посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не знаю.

Корнеев помолчал, ожидая продолжения.

— Как это — не знаете?

— Потому что двадцать пять лет назад мы все поклялись, что седьмого человека никогда не существовало.

Она сделала шаг к двери, но остановилась.

— И ещё одно, капитан. Не верьте тому, что найдёте в его последнем деле.

— Почему?

Женщина впервые улыбнулась. Улыбка получилась такой горькой, что Корнеев невольно отвёл глаза.

— Потому что Виктор Руднев никогда не искал правду. Он искал того, кому её можно было продать.

Она вышла.

Корнеев остался один.

На столе лежала фотография семерых молодых людей.

Он перевернул её ещё раз, внимательно рассмотрел надпись, а затем снова посмотрел на лица.

И только теперь заметил то, чего не увидел сразу.

У каждого из шести людей, смотревших в объектив, на запястье были одинаковые часы.

У седьмого — нет.

Зато на его руке виднелся тонкий браслет с маленькой металлической подвеской.

Корнеев знал этот браслет.

Он видел его на той самой фотографии Елены Соколовой, которую двадцать пять лет хранил в памяти.

И если он не ошибался, это означало, что седьмой свидетель был не просто участником той истории.

Он мог быть человеком, которого все эти годы считали мёртвым.

Глава вторая. Фотография, которой не должно было быть

◆

Капитан Корнеев не любил старые фотографии.

Они создавали обманчивое впечатление, будто прошлое можно остановить, рассмотреть под увеличительным стеклом и наконец понять. На самом деле фотографии чаще мешали. Люди на них улыбались, держались за плечи, смотрели в объектив с одинаковой беспечностью — и никто не мог сказать, кто из них через год предаст друга, через десять лет забудет собственную ложь, а через двадцать пять будет готов убить ради того, чтобы никто о ней не вспомнил.

Корнеев положил снимок на стол и снова включил настольную лампу.

В кабинете Руднева он заметил не всё. Это раздражало. Когда ты пятнадцать лет работаешь в полиции, начинаешь верить, что взгляд сам находит важные детали. А когда не находит, приходится признать: либо устал, либо кто-то оказался умнее.

Впрочем, фотография могла быть подделкой. Старую надпись можно нанести позже, лица — перепутать, а случайный браслет принять за тот, который видел когда-то на другом снимке.

Корнеев достал из шкафа коробку с личными бумагами. После смерти матери он так и не разобрал её до конца. Там лежали школьные альбомы, письма, старые удостоверения и несколько фотографий, которые он собирался выбросить, но каждый раз откладывал.

Он сам не знал почему.

Среди бумаг нашёлся небольшой конверт. На нём рукой матери было написано: «Миша. Школа».

Корнеев вытряхнул содержимое.

Выпускной класс. Май 2001 года. Двадцать восемь человек, собравшихся на крыльце школы. Среди них — худой семнадцатилетний Корнеев с длинной чёлкой, которая падала на глаза. Рядом стояла Елена Соколова.

На фотографии она улыбалась.

Он помнил этот день. Помнил, как Елена отобрала у него сигарету, сломала её пополам и сказала, что он выглядит глупо. Помнил, как они потом шли через парк и спорили о том, можно ли считать человека хорошим, если он совершил один по-настоящему плохой поступок.

Он тогда ответил, что можно.

Елена сказала:

— Тогда ты ещё не видел, на что люди способны.

Через четыре месяца её нашли мёртвой.

Корнеев отодвинул фотографию.

Ему не нравилось, что память возвращала именно эти слова.

Он снова взял снимок из квартиры Руднева. Семеро молодых людей. Шестеро смотрят в камеру, седьмой отвернулся. На его руке — тонкий браслет.

Корнеев поднёс снимок к лампе.

Браслет был не металлическим. Он выглядел как плетёный шнур с небольшой серебристой пластинкой. Такие вещи носили подростки в начале двухтысячных, и ничего особенного в них не было.

Особенным было другое.

На пластинке виднелась маленькая буква «Е».

Корнеев медленно выдохнул.

У Елены был точно такой браслет.

Но это ещё ничего не доказывало. Она могла подарить его кому-то из друзей. Могла потерять. Могла носить запасной.

И всё же он помнил, как однажды она показала ему пластинку и сказала:

— Если я когда-нибудь исчезну, не ищи меня по имени. Ищи по тому, что я оставила.

Тогда он рассмеялся.

Теперь ему было не до смеха.

Телефон завибрировал. Звонила эксперт-криминалист Лидия Аркадьевна.

— Михаил Сергеевич, вы ещё в отделе?

— Да.

— Хорошо. Я посмотрела предварительные результаты по Рудневу. Есть кое-что, что вам стоит знать.

— Причина смерти?

— Пока не окончательная. Но признаков естественной смерти, как мы сначала предположили, недостаточно. Будет дополнительное исследование.

— Что-то нашли?

— В крови обнаружено вещество, которое требует отдельной проверки. Ничего не утверждаю, пока нет подтверждения. Но я бы не спешила закрывать дело.

Корнеев посмотрел на фотографию.

— Я и не собирался.

— И ещё. На столе у него стоял стакан с водой. Мы обнаружили на нём несколько отпечатков, помимо отпечатков самого Руднева. Один пока не идентифицирован.

— Посторонний?

— Возможно. Но есть нюанс: отпечаток частичный. По нему нельзя уверенно определить, кому он принадлежит. Завтра попробуем обработать поверхность повторно.

— Хорошо. Не торопитесь с выводами.

— Вы сами-то торопиться не собираетесь?

— Я собираюсь не совершать ошибок.

Лидия Аркадьевна тихо усмехнулась.

— Тогда вам стоило выбрать другую профессию.

Она отключилась.

Корнеев ещё несколько секунд держал телефон у уха, затем убрал его.

Если Руднева действительно убили, у убийцы было доста-

точно времени, чтобы уничтожить следы. Но стакан остался. И папка осталась. А если всё это было оставлено намеренно, значит, кто-то хотел, чтобы полиция увидела определённые вещи.

Вопрос заключался в том, какие именно.

Он позвонил дежурному.

— Найдите адрес женщины, которая приходила ко мне сегодня. Пожилая, в тёмном пальто, с фотографией. Она представилась?

— Нет, Михаил Сергеевич. Сказала, что вы её знаете.

— Я её не знаю.

— Понял. Будем искать.

Корнеев положил трубку и посмотрел на часы.

Было без четверти десять.

Он решил, что домой сегодня не поедет.

Женщину нашли быстрее, чем он ожидал.

В половине одиннадцатого участковый перезвонил и сообщил, что пожилая дама вышла из здания полиции, дошла до остановки и села в автобус номер четыре. Камера на перекрёстке позволила установить направление движения. Через час выяснили, что она вышла возле старого района, где ещё сохранились деревянные дома и низкие заборы.

Адрес оказался на улице Садовой, в доме с покосившимся крыльцом и облупившейся зелёной дверью.

Корнеев приехал туда один.

Он не стал брать патрульную машину с мигалками. Если

женщина действительно боялась говорить, появление целой группы полицейских могло заставить её замолчать.

Дождь закончился, но с крыш продолжала капать вода. Во дворе пахло мокрой древесиной и дымом. На подоконнике соседнего дома стояла банка с засохшими цветами.

Корнеев постучал.

За дверью послышались шаги.

— Кто?

— Капитан Корнеев. Мы сегодня виделись.

Дверь открылась не сразу.

На пороге стояла та самая женщина. Без шляпки, с распущенными седыми волосами. Теперь она выглядела старше. Или просто устала сильнее.

— Я думала, вы не приедете.

— Почему?

— Потому что все остальные тоже не приехали.

— Кто остальные?

Она отступила, пропуская его внутрь.

В доме было чисто, но бедно. Узкий коридор, старый шкаф, часы с маятником. На стене висел календарь за прошлый год. В комнате стояли диван, два кресла и небольшой стол, покрытый вышитой скатертью.

Женщина указала на кресло.

— Садитесь.

Корнеев остался стоять.

— Для начала назовите себя.

— Анна Сергеевна Лебедева.

— Вы знали Руднева?

— Да.

— Насколько хорошо?

— Достаточно, чтобы понимать, каким человеком он был.

— Вы сказали, что знаете, кто его убил.

— Я сказала, что знаю, где искать.

— Это разные вещи.

— Именно поэтому я всё ещё жива.

Корнеев посмотрел на неё внимательнее.

— Вы считаете, что вам угрожает опасность?

Анна Сергеевна села на край дивана и сложила руки на коленях.

— Капитан, двадцать пять лет назад шестеро людей решили, что правда опаснее лжи. Они не были преступниками в обычном смысле. Не носили оружия, не грабили стариков, не убивали ради денег. У них были семьи, работа, дети. Они ходили в магазины, поздравляли друг друга с праздниками, лечились в одних больницах. И каждый год семнадцатого октября они вспоминали о том, что сделали.

— Что именно они сделали?

— Позволили осудить невиновного.

Корнеев не перебивал.

— Парня звали Андрей Ветров. Он любил Елену. Они поссорились за несколько дней до её смерти, и этого оказалось достаточно, чтобы сделать его главным подозревае-

мым. Нашлись люди, которые видели их вместе. Нашлись те, кто слышал угрозы. Нашлись свидетели, подтвердившие, что Андрей был возле карьера в ту ночь.

— А вы?

— Я тоже дала показания.

— Ложные?

Анна Сергеевна закрыла глаза.

— Да.

Ответ прозвучал так тихо, что Корнееву пришлось наклониться вперёд.

— Вы видели, как погибла Елена?

— Нет.

— Тогда почему солгали?

— Потому что боялась.

— Кого?

Она посмотрела на него.

— Человека, который знал, что случилось на самом деле.

— Кто он?

— Если бы я знала, капитан, я бы не пришла к вам спустя четверть века.

Корнеев прошёлся по комнате.

— Вы утверждаете, что было семь свидетелей. Но в суде выступили шестеро. Кто седьмой?

— Тот, кого мы не должны были видеть.

— Вы понимаете, как это звучит?

— Прекрасно. Поэтому я и не пошла к журналистам.

— Вы можете хотя бы объяснить, что означает фотография?

Анна Сергеевна побледнела.

— Вы нашли её?

— Она была у Руднева.

— Значит, он всё-таки решил открыть дело.

— Или хотел, чтобы мы думали именно так.

Женщина медленно поднялась и подошла к шкафу. Из нижнего ящика она достала коробку из-под обуви. Коробка была перевязана бечёвкой, на крышке выцвели синие буквы.

Она развязала узел и вынула несколько конвертов.

— Я хранила их двадцать пять лет. Думала, что однажды передам кому-нибудь, кто сможет разобраться. Но каждый раз находила причину отложить.

— Что в конвертах?

— Письма Елены.

Корнеев перестал ходить.

— Откуда они у вас?

— Она оставила их мне за три дня до смерти.

— Почему вы не передали их следствию?

Анна Сергеевна горько усмехнулась.

— Потому что в одном из них было имя человека, которого следствие не должно было найти.

— Вы читали письма?

— Все.

— И знаете, кто убил Елену?

— Я знаю, кого она боялась. Но не знаю, боялась ли она именно убийцу.

Она протянула ему один конверт.

На лицевой стороне было написано: «Ане. Если со мной что-нибудь случится».

Почерк Корнеев узнал сразу.

Он видел его на школьных открытках, в старых записках, в протоколе, который когда-то подписывал как свидетель.

— Почему вы решили отдать это сейчас? — спросил он.

Анна Сергеевна посмотрела на часы.

— Потому что вчера вечером мне позвонил Виктор Руднев.

— Что он сказал?

— Спросил, сохранила ли я письма. Я ответила, что нет.

— Вы солгали?

— Да.

— И что он сказал?

Женщина замолчала.

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по стене и исчез.

— Он сказал: «Тогда, Анна Сергеевна, вам лучше ничего не вспоминать».

Корнеев убрал конверт во внутренний карман куртки.

— Вы сообщили об этом кому-нибудь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что через час после его звонка кто-то пытался открыть мою дверь.

В комнате стало тихо.

— Вы видели этого человека?

— Нет. Только услышала, как провернули ручку. Я подошла к двери, спросила, кто там. Никто не ответил. Когда посмотрела в глазок, в коридоре уже никого не было.

— Вы вызвали полицию?

— А что бы я сказала? Что кто-то дёрнул ручку?

Корнеев достал блокнот и записал адрес, время звонка Руднева и всё, что женщина могла вспомнить.

Затем спросил:

— Анна Сергеевна, на фотографии семеро молодых людей. Шесть смотрят в камеру. Седьмой отвернулся. Вы знаете, кто это?

Она долго не отвечала.

Потом произнесла:

— Я знаю, кто должен был стоять на его месте.

— Кто?

— Елена.

Корнеев почувствовал, как холодеют пальцы.

— Вы хотите сказать, что фотографию сделали после её смерти?

— Нет. Снимок сделали за несколько дней до неё. Елена сама держала фотоаппарат. Она попросила нас встать вместе, но в последний момент кто-то подошёл и встал между

нами. Елена сделала второй снимок. На нём все смотрели в камеру.

— Где второй снимок?

Анна Сергеевна покачала головой.

— У Руднева.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он показал его мне вчера.

Корнеев медленно выпрямился.

— Вчера вы сказали, что не знаете, кто седьмой свидетель.

— Я не знаю его имени.

— Но вы видели его лицо.

Анна Сергеевна посмотрела на него с отчаянием.

— Капитан, я видела лицо человека, который умер двадцать пять лет назад.

Когда Корнеев вышел из дома, было уже далеко за полночь.

Он сел в машину, но не завёл двигатель.

Ветров. Елена. Шесть ложных показаний. Седьмой свидетель. Письма, которые могли изменить всё дело.

Слишком много совпадений для одной ночи.

Он достал конверт и осторожно вынул письмо.

Бумага пожелтела, на сгибе проступила тонкая трещина. Корнеев развернул лист.

«Аня, если ты читаешь это письмо, значит, я не смогла сказать тебе всё лично.

Я знаю, что ты думаешь обо мне. Ты считаешь, что я влю-

билась в Андрея и теперь готова оправдывать его что угодно. Но дело не в нём.

Я боюсь не того, что со мной сделают. Я боюсь, что после моей смерти все решат, будто знают, кто я такая.

Они будут рассказывать, что я была хорошей девочкой. Или плохой. Что я сама виновата. Что меня предупреждали.

Никто не спросит, почему взрослые люди так боятся семнадцатилетней девушки.

Если со мной что-нибудь случится, ищи не того, кто меня ненавидел.

Ищи того, кому я доверяла».

Внизу стояла подпись: «Лена».

Корнеев перечитал письмо.

Потом ещё раз.

Он знал, что Елена не была святой. Она могла быть резкой, упрямой, иногда жестокой. Она умела задевать людей в самое больное место и не всегда понимала, чем это обернётся.

Но он никогда не слышал, чтобы она боялась взрослых.

Наоборот, она презирала тех, кто прикрывался возрастом и должностью.

Корнеев сложил письмо и положил его обратно в конверт.

В этот момент зазвонил телефон.

На экране высветился номер дежурной части.

— Слушаю.

— Михаил Сергеевич, извините, что так поздно. У нас тут

странная ситуация.

— Какая?

— Вы просили проверить старые материалы по делу Соколовой. Архив подняли, но кое-чего не хватает.

— Чего именно?

— Протокола первого опознания тела.

Корнеев закрыл глаза.

— Его потеряли?

— Нет. По описи он есть. По факту — отсутствует. И ещё одна вещь.

— Какая?

— Фотография, которую приложили к материалам после опознания. В описи значится снимок лица погибшей, но в папке его нет.

Корнеев посмотрел на конверт.

— Кто подписывал протокол?

— Следователь Пётр Семёнович Зорин.

Имя ударило сильнее, чем Корнеев ожидал.

Зорин был его первым наставником. Именно он вёл дело Соколовой. Именно он научил молодого Михаила не доверять случайным совпадениям и не путать правду с тем, что хочется доказать.

Зорин умер шесть лет назад.

На похоронах Корнеев стоял у гроба и думал, что этот человек никогда не предавал своих принципов.

Теперь он не был уверен даже в этом.

— Михаил Сергеевич, вы меня слышите?

— Слышу. Ничего не трогайте. Утром я приеду.

Он отключился.

Некоторое время сидел неподвижно, глядя на мокрое лобовое стекло.

Потом завёл двигатель.

До дома он так и не доехал.

На первом перекрёстке Корнеев свернул в сторону кладбища.

Он сам не знал, зачем едет туда ночью. Возможно, хотел убедиться, что прошлое действительно осталось в земле. Возможно, искал последнего человека, который мог бы ответить на его вопросы.

Но когда машина остановилась у ворот, он вдруг понял, что боится не могилы Зорина.

Он боялся могилы Елены Соколовой.

Потому что если двадцать пять лет назад ошиблись при опознании, значит, всё расследование могло быть построено на одной лжи.

А если Елена не была той девушкой, которую похоронили в октябре 2001 года…

То кого же тогда нашли в карьере?

Глава третья. Могила без имени

Кладбище в Лесогорске делилось на две части.

Старая начиналась за кирпичной часовней, построенной ещё до революции. Там стояли покосившиеся кресты, чёрные от времени ограды и памятники, на которых имена давно стёрлись под дождями. Новая часть была устроена иначе: ровные дорожки, аккуратные надгробия, искусственные

цветы, одинаковые гранитные плиты. Здесь даже смерть выглядела упорядоченной.

Корнеев знал это место с детства. Его отец лежал в старой части, мать — в новой. Он бывал здесь на родительские дни, иногда приходил в годовщину смерти матери, но никогда не задерживался надолго.

Теперь он шёл к могиле Елены Соколовой.

Двадцать пять лет назад её похоронили у дальней ограды, рядом с участком, который тогда ещё не был застроен. На памятнике была фотография девушки с короткими тёмными волосами. Под ней — имя, даты рождения и смерти, а также слова, которые выбрал отец Елены:

«Ты ушла, оставив нам вечную боль».

Корнеев остановился в нескольких шагах.

На кладбище было тихо. Ветер шевелил сухие листья, где-то за оградой лаяла собака. Над городом висели тяжёлые облака, и казалось, что дождь начнётся с минуты на минуту.

Он подошёл ближе.

Сначала ничего необычного не заметил. Искусственные цветы, выцветшая лента, две маленькие свечи в стеклянных стаканчиках. Ограда была целой. Земля вокруг памятника выглядела утрамбованной.

Но Корнеев всё же присел.

В нижней части гранитной плиты, возле самого основания, виднелась тонкая светлая полоска. Словно кто-то недавно соскоблил грязь или провёл по камню металлическим

предметом.

Он провёл пальцем по краю.

На коже осталась серая пыль.

Корнеев поднялся и обошёл могилу. Сзади, между оградой и кустами, земля была рыхлой. На ней сохранились следы обуви — один отчётливый отпечаток каблука и несколько смазанных следов рядом.

Кто-то приходил сюда недавно.

И, судя по всему, не для того, чтобы положить цветы.

Корнеев достал телефон и вызвал дежурную группу.

— Нужны криминалисты на кладбище. Участок старых захоронений, могила Елены Соколовой. Ничего не трогать, пока не приедут.

— Что случилось?

— Пока не знаю.

Он отключился и снова посмотрел на памятник.

Лицо девушки было почти неразличимо. Фотография выгорела, но глаза всё ещё смотрели прямо перед собой.

Корнеев вспомнил слова Анны Сергеевны: «Я видела лицо человека, который умер двадцать пять лет назад».

Он никогда не верил в призраков. Но за последние сутки столкнулся с таким количеством вещей, которые не укладывались в привычную картину прошлого, что начинал сомневаться не в существовании призраков, а в собственной памяти.

Он достал из кармана старую фотографию, найденную у

Руднева, и сравнил её с изображением на памятнике.

Сходство было очевидным.

Та же форма лица, тот же разрез глаз.

Но на снимке, который хранил Руднев, у девушки на шее была тонкая цепочка с круглым кулоном. На памятнике цепочки не было.

Мелочь.

Вполне возможно, что кулон сняли перед фотографированием. Или цепочка просто не попала в кадр.

Корнеев убрал снимок.

Он уже знал, что самое опасное в расследовании — не отсутствие ответов.

Самое опасное — когда каждый ответ кажется разумным.

Криминалисты прибыли через двадцать минут.

Старший эксперт, Виктор Павлович, был человеком немногословным. Он не любил полицейских, которые заранее объявляли находки уликами, и всегда напоминал, что грязь — это грязь, след — это след, а доказательство появляется только после проверки.

Он осмотрел ограду, сфотографировал землю и долго изучал основание памятника.

— Кто-то пытался его сдвинуть, — сказал он наконец.

— Зачем?

— Это вы мне расскажете, когда узнаете.

Виктор Павлович присел возле задней части могилы и осторожно раздвинул траву.

Под ней обнаружилась узкая металлическая пластина, вбитая в землю.

— Вот это уже интересно.

Он попросил инструмент и аккуратно очистил пластину от грязи. На поверхности проступили цифры.

17–10–01.

Корнеев почувствовал, как внутри неприятно сжалось.

— Дата смерти?

— Или дата, которую кто-то хотел обозначить, — ответил эксперт. — Пока не будем фантазировать.

Пластину изъяли.

Затем криминалисты обследовали землю вокруг памятника. Свежих следов раскопок не нашли, однако обнаружили, что одна из гранитных плиток возле ограды была недавно поднята и положена обратно.

Под ней лежал небольшой пластиковый пакет.

Внутри находился ключ.

Старый, длинный, с потемневшей латунной головкой. На кольце висела бирка с выцветшей надписью: «Архив».

Корнеев взял пакет в перчатках и посмотрел на эксперта.

— Вы уверены, что пакет был здесь до нашего приезда?

— Мы зафиксировали его положение. Он находился под плиткой. Никто из наших сотрудников к нему не прикасался.

— Кто-нибудь мог оставить его сегодня?

— Мог. Мог и десять лет назад. Сначала выясним, к какому замку подходит ключ.

Корнеев посмотрел на бирку.

В Лесогорске было несколько архивов. Городской, судебный, медицинский. Кроме того, старое здание районного отдела полиции имело подвальное помещение, где до ремонта хранились материалы закрытых дел.

Он не знал, почему, но почти сразу подумал именно о нём.

— Виктор Павлович, можно проверить, когда плитку последний раз снимали?

— Попробуем. Но если человек работал аккуратно, следов могло почти не остаться.

— А если неаккуратно?

Эксперт указал на землю.

— Тогда мы их найдём.

Корнеев отошёл к ограде и позвонил в архив районного отдела.

Ответила женщина с сонным голосом.

— Архив, слушаю.

— Капитан Корнеев. Мне нужно уточнить одну вещь. У вас есть ключи от старого хранилища, которое находилось в подвале прежнего здания отдела?

— Сейчас посмотрю.

Послышался шелест бумаги.

— Есть комплект ключей, но старое помещение давно опечатано. Там ремонтировали вентиляцию, потом перенесли всё в новое хранилище.

— Когда последний раз открывали подвал?

— Я не знаю. Кажется, несколько лет назад.

— Кто имеет доступ?

— Начальник архива, заведующий хозяйством и начальник отдела.

Корнеев помолчал.

— А бывший начальник отдела?

— Какой именно?

— Зорин. Пётр Семёнович.

На том конце стало тихо.

— Он умер, Михаил Сергеевич.

— Я знаю.

— Тогда зачем вы спрашиваете?

— Потому что хочу понять, кто мог пользоваться его ключами.

Женщина вздохнула.

— Послушайте, я здесь работаю только третий год. Старые ключи достались мне вместе с документацией. Что было раньше, я не знаю.

— Хорошо. Подготовьте список всех, кто получал доступ к подвалу за последние десять лет.

— Постараюсь.

— Не постарайтесь. Подготовьте.

Он отключился.

Виктор Павлович подошёл к нему.

— Есть ещё одна вещь.

— Что?

— На пластине с датой обнаружены следы краски. Судя по составу, её могли изготовить в конце девяностых или начале двухтысячных годов. Но это предварительно.

— Значит, пластину могли положить здесь ещё тогда?

— Именно. А могли достать из старого тайника и вернуть на место недавно. По одному предмету ничего не докажешь.

Корнеев посмотрел на могилу.

Кто-то оставил ключ под плиткой, спрятал его возле захоронения Елены Соколовой и обозначил дату её смерти.

Если это было послание, то кому оно предназначалось?

Ему?

Или человеку, который приходил сюда до него?

В отдел Корнеев вернулся после девяти утра.

Он не спал всю ночь. Голова тяжело гудела, в висках стучало, а кофе из автомата казался горьким и холодным. Но времени на отдых не было.

На его столе лежали две папки: новая — по смерти Руднева, старая — по делу Соколовой.

Старую папку принесли из архива утром. На обложке стоял номер дела и подпись следователя Петра Зорина. Внутри всё было аккуратно разложено: протоколы допросов, фотографии места обнаружения тела, заключения экспертов, постановления и копии судебных документов.

Всё, кроме двух отсутствующих материалов.

Протокола первого опознания.

И фотографии погибшей.

Корнеев начал с показаний Андрея Ветрова.

Ветрову было девятнадцать лет, когда его задержали. Он работал в автомастерской, жил с матерью и младшей сестрой. До этого к уголовной ответственности не привлекался. В школе учился посредственно, но учителя отзывались о нём как о спокойном парне.

С Еленой они встречались около года.

За неделю до её смерти поссорились.

По словам свидетелей, Андрей угрожал девушке, говорил, что не позволит ей уйти к другому.

Ветров всё отрицал.

В протоколе его допроса была одна фраза, подчёркнутая красным карандашом:

«Я не знаю, кого вы похоронили, но это была не Лена».

Корнеев перечитал её несколько раз.

Потом нашёл дату.

Фраза прозвучала на третьем допросе — за два дня до того, как Андрей подписал признательные показания.

Он перевернул страницу.

Признание было написано аккуратным почерком, без помарок. Андрей подробно описал ссору, поездку к карьеру, разговор с Еленой и последующую драку. Он указал место, где якобы оставил тело, и сообщил, что после убийства выбросил одежду в реку.

Но Корнеев знал: признание, которое выглядит слишком гладким, не всегда означает, что человек говорит правду.

Особенно если в нём отсутствуют детали, которые невозможно придумать, не зная места преступления.

Он позвонил в архив суда.

— Мне нужны материалы судебного заседания по делу Андрея Ветрова. Полная стенограмма, если сохранилась.

— Дело старое, — ответил сотрудник. — Часть документов могла быть передана в областной архив.

— Проверьте.

— А если не найдём?

— Тогда сообщите, что именно отсутствует.

Он положил трубку и открыл список свидетелей.

Их было шестеро.

Первым выступил сосед Ветровых, который якобы слышал угрозы Андрея.

Второй — продавец из магазина у автобусной остановки, утверждавший, что видел его возле карьера.

Третья — Анна Сергеевна Лебедева.

Четвёртый — приятель Андрея, который сообщил, что тот после ссоры говорил о мести.

Пятый — сторож старого карьера.

Шестой — мужчина, работавший водителем на местном предприятии.

Шесть человек. Шесть показаний. Шесть подтверждений одной версии.

И ни одного человека, который видел само убийство.

Корнеев откинулся на спинку кресла.

Слишком мало для уверенности, слишком много для случайности.

Он достал лист бумаги и написал фамилии в столбик. Рядом поставил даты допросов. Затем отметил, кто из свидетелей знал друг друга.

Почти все.

Сосед Ветровых был знаком со сторожем карьера. Водитель приходился дальним родственником продавцу. Приятель Андрея работал с одним из них на предприятии. Анна Сергеевна знала семью погибшей.

Это не доказывало сговора.

Но если шестеро людей договорились солгать, им было бы проще сделать это, чем казалось на первый взгляд.

Корнеев снова посмотрел на фотографию семерых.

Он уже почти не сомневался, что снимок связан с делом. Но оставался вопрос: почему шестеро смотрели в объектив, а седьмой отвернулся?

Может быть, он не хотел, чтобы его узнали.

Может быть, снимок сделали в момент, когда кто-то случайно попал в кадр.

А может быть, этот человек знал, что однажды фотография станет доказательством.

В дверь постучали.

На пороге стояла Лидия Аркадьевна.

— Есть результаты по Рудневу.

Корнеев жестом предложил ей войти.

Она положила на стол несколько листов.

— Предварительное токсикологическое исследование подтвердило наличие вещества, способного вызвать смертельное нарушение сердечного ритма. Количество значительное. Но для окончательного заключения потребуется дополнительная проверка.

— Значит, убийство?

— Вероятно. Но я бы пока формулировала осторожнее. Важно установить, когда и каким способом вещество попало в организм.

— Есть предположения?

— В стакане с водой обнаружены следы того же вещества, но концентрация небольшая. Это может означать, что Руднев выпил воду с примесью. Однако мы проверяем и другие возможные пути поступления.

Корнеев постучал пальцем по столу.

— Отпечаток?

— Пока не идентифицирован. Есть ещё одна деталь. На поверхности стакана обнаружены следы, которые могут принадлежать человеку в тонких перчатках. Но это требует подтверждения.

— Значит, убийца мог подготовиться заранее.

— Или кто-то пытался скрыть свои отпечатки. Не обязательно убийца.

Она посмотрела на папку старого дела.

— Вы опять полезли в Соколову?

— Она сама вернулась ко мне.

— Удобная формулировка.

— У меня есть письмо, которое может объяснить, почему Руднев занимался старым делом накануне смерти.

Корнеев рассказал ей об Анне Сергеевне, фотографии и ключе, найденном на кладбище.

Лидия Аркадьевна слушала молча. Когда он закончил, она сняла очки и потёрла переносицу.

— Михаил Сергеевич, вы понимаете, что если опознание было поддельным, мы говорим не об одной ошибке следствия?

— Понимаю.

— Тогда кто-то мог подменить тело, изменить документы и заставить свидетелей дать ложные показания. Это уже целая цепочка.

— Именно поэтому мы не можем остановиться.

Лидия Аркадьевна помолчала.

— Есть ещё кое-что. Я проверила архивные сведения по Рудневу. За последние два месяца он несколько раз посещал областной архив. Официально — по вопросам старого судебного дела.

— Есть даты?

Она положила перед ним список.

Первое посещение — три недели назад.

Второе — двенадцать дней назад.

Третье — за два дня до смерти.

Корнеев внимательно изучил записи.

— С кем он встречался?

— В журнале посетителей указаны только время входа и выхода. Но в последний день он провёл в архиве почти четыре часа.

— Что именно искал?

— Это мы и должны выяснить.

Корнеев посмотрел на часы.

— Поеду туда сегодня.

— Вы сначала поспите.

— Потом.

— Вы всегда так говорите.

— А вы всегда правы, когда говорите, что мне нужно поспать?

— Нет. Но сегодня я почти уверена.

Он не ответил.

Лидия Аркадьевна забрала свои бумаги и направилась к двери. Уже на пороге она остановилась.

— Михаил Сергеевич, ещё один вопрос. Вы ведь знали Елену Соколову лично?

Корнеев посмотрел на неё.

— Учились в одной школе.

— Вы никогда не рассказывали, что она приходила в полицию за неделю до смерти.

Он почувствовал, как напряглась челюсть.

— Откуда вы знаете?

— Я читала старые материалы. В журнале регистрации обращений есть запись, но в деле её нет.

— Кто её принял?

— Не указано.

— А кто подписал журнал?

Лидия Аркадьевна назвала фамилию.

Корнеев не сразу понял, что услышал.

Потом медленно произнёс:

— Зорин.

Вечером он поехал в областной архив.

Здание стояло на окраине города, в бывшем административном корпусе завода. Внутри пахло бумагой, пылью и старой мебелью. На стенах висели выцветшие схемы эвакуации, а возле окна стоял кулер с водой, который, судя по налёту на кране, давно не меняли.

Архивистка оказалась женщиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и внимательными глазами.

— Вы по делу Руднева? — спросила она.

— Да. Меня интересуют материалы, которые он просматривал в последние недели.

Она открыла журнал.

— Здесь указано дело Соколовой. Но не только оно.

— Что ещё?

Архивистка перелистнула несколько страниц.

— Материалы по несчастному случаю на старом химическом предприятии. Октябрь 2001 года.

Корнеев замер.

— Какому несчастному случаю?

— Погиб рабочий. Молодой мужчина, двадцать два года. Случай признали производственным, выплатили компенсацию семье. Документы хранятся в отдельной папке.

— Фамилия?

— Сейчас посмотрю.

Она ушла в соседнее помещение и вернулась с тонкой картонной папкой.

На обложке было написано: «Климов Павел Сергеевич. 1979–2001».

Корнеев открыл документы.

Внутри находились протокол осмотра места происшествия, медицинское заключение, несколько фотографий и акт о выдаче тела родственникам.

На фотографии был молодой мужчина с тёмными волосами. Лицо частично закрывала повязка, но глаза оставались видны.

Корнеев долго смотрел на снимок.

Он не мог объяснить, почему этот человек казался ему знакомым.

Потом заметил дату гибели.

17 октября 2001 года.

Тот же день, когда исчезла Елена Соколова.

— Что это за предприятие? — спросил он.

— Химический завод, который закрыли в 2004 году. Там

было несколько несчастных случаев. Этот считался одним из самых тяжёлых.

— Кто проводил расследование?

Архивистка проверила документы.

— Следователь Пётр Семёнович Зорин.

Корнеев медленно закрыл папку.

— Вы уверены?

— Вот его подпись.

Он посмотрел на подпись.

Зорин расследовал гибель рабочего в тот же день, когда погибла Елена. Впоследствии он вёл дело об убийстве девушки. Он подписывал документы, исчезнувшие из архива. И именно он зарегистрировал её обращение в полицию за неделю до смерти.

Это могло быть совпадением.

Но теперь Корнеев уже не верил в совпадения.

— Можно узнать, кто забирал эту папку до Руднева?

Архивистка посмотрела журнал.

— До него её не запрашивали почти двадцать лет.

— А кто запрашивал после?

Она провела пальцем по странице.

— Никто.

— Значит, Руднев был первым?

— Да.

Корнеев перевернул последний лист.

К акту о выдаче тела прилагалась расписка родственника.

Подпись была плохо различима, но фамилия читалась ясно.

Климова.

Мать погибшего.

Он сделал снимок документа и вернул папку архивистке.

— Спасибо. Мне понадобится заверенная копия.

— Подготовим завтра.

Корнеев уже собирался уходить, когда архивистка окликнула его.

— Капитан, подождите.

Она держала в руках небольшой конверт.

— Это нашли в папке с материалами по Соколовой. Видимо, его случайно подшили к чужому делу. Он не числится в описи.

— Почему вы не сообщили раньше?

— Потому что обнаружили только сегодня утром. Мы разбирали коробку, которую вернули из читального зала.

На конверте было написано одно слово:

«Корнееву».

Михаил Сергеевич почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Кому именно?

— Здесь больше ничего нет.

Он осторожно открыл конверт.

Внутри лежал маленький листок, сложенный вчетверо.

Почерк был знакомым.

«Миша, если ты читаешь это, значит, я не смогла убедить

тебя раньше.

Не верь Зорину.

И никогда не ищи меня там, где меня похоронили».

Подписи не было.

Но она и не требовалась.

Корнеев узнал почерк Елены.

Он перечитал записку ещё раз.

Потом посмотрел на архивистку.

— Когда вы нашли этот конверт?

— Сегодня утром. А что?

Корнеев убрал записку во внутренний карман.

— Потому что теперь мне придётся выяснить, кто и зачем двадцать пять лет назад похоронил не того человека.

Он вышел на улицу.

Над городом снова собирался дождь.

И впервые за долгие годы Корнеев почувствовал не просто сомнение в старом деле.

Он почувствовал страх.

Не за себя.

За человека, который всё это время мог оставаться живым.

Глава четвёртая. Женщина, которая не открывала дверь

◆

В девять утра Михаил Корнеев уже стоял перед домом Климовой.

Дом находился на окраине Лесогорска, в районе, который городские власти давно обещали благоустроить, но так и не добрались до него. Узкие улицы, деревянные заборы, старые яблони и покосившиеся сараи. Весной здесь тонули в грязи, зимой заметало снегом, а осенью дороги превращались в длинные ленты мокрой глины.

На воротах висел почтовый ящик с оторванной крышкой. На стене дома белела табличка с номером.

Корнеев сверился с адресом.

Всё совпадало.

Он нажал на кнопку звонка. За дверью раздался короткий металлический звук, потом тишина.

Подождал минуту и постучал.

— Есть кто-нибудь дома?

Ответа не было.

Он обошёл дом. Занавески на окнах были задёрнуты, но в кухне одно стекло оказалось приоткрыто. На подоконнике стояла чашка, рядом лежала раскрытая газета. В саду, возле

крыльца, сохранились следы автомобильных шин.

Корнеев вернулся к воротам.

— Вы кого-то ищете?

Соседка появилась неожиданно. Невысокая женщина в пуховом жилете, с ведром в руках. Она остановилась у забора и с любопытством посмотрела на капитана.

— Климову Павлу Сергеевичу здесь принадлежал дом? — спросил Корнеев.

— Павлу? Нет, это его матери дом был. Мария Ивановна. Только она давно одна живёт.

— Вы видели её вчера?

Женщина задумалась.

— Вчера? Вечером видела свет в окне. Часов в десять, наверное. А утром она обычно выходит кормить кошек. Сегодня не выходила.

— Она куда-нибудь уезжает?

— Да кто её знает. После смерти сына она ни с кем особо не разговаривает. Иногда в магазин ходит, иногда к врачу. Но чтобы надолго — нет.

— Когда вы последний раз с ней разговаривали?

— Дня три назад. Она спросила, не приходил ли к ней какой-нибудь мужчина. Я сказала, что не видела. А что?

— Какой мужчина?

— Не знаю. Она сказала, высокий, в тёмном пальто. И будто бы голос знакомый.

Корнеев достал блокнот.

— Она испугалась?

— Да нет. Скорее рассердилась. Сказала, что если он придёт, я должна сообщить ей сразу.

— Вы его видели?

— Нет.

— А машину?

Соседка покачала головой.

— Не видела. Но у Марии Ивановны вчера вечером кто-то был. Я слышала, как хлопнула калитка.

— Во сколько?

— После девяти. Может, около половины десятого.

Корнеев поблагодарил её и попросил не рассказывать соседям о его визите.

Затем позвонил дежурному и запросил группу для осмотра дома.

Он не собирался ломать дверь без оснований. Но если пожилая женщина пропала, а её дом оставался закрытым, следовало установить, всё ли с ней в порядке.

Пока ждали, Корнеев ещё раз осмотрел окна.

На подоконнике кухни лежала газета за вчерашний день. На первой полосе сообщалось о смерти Виктора Руднева.

Рядом с газетой стояла чашка.

В ней засох чай.

А возле чашки лежал небольшой кусочек бумаги, словно оторванный от письма.

Корнеев не мог прочитать надпись с улицы, но заметил,

что на бумаге сохранились две буквы: «…лена».

Он отошёл от окна.

Если Мария Климова знала Елену Соколову, это могло объяснить, почему Руднев интересовался её сыном. Но каким образом рабочий химического завода оказался связан с убийством школьницы?

И почему его мать боялась человека, который приходил к ней?

Через двадцать минут приехали двое сотрудников полиции и специалист-криминалист.

Дверь оказалась заперта. В присутствии понятых её открыли.

В доме было тихо.

На кухне стояла чашка с засохшим чаем. На столе лежала газета, рядом — очки и лекарственная упаковка. В спальне была аккуратно застелена кровать. В шкафу висела одежда. В прихожей стояли старые ботинки и пара женских туфель.

Никаких следов борьбы.

Никаких разбитых предметов.

Но хозяйки не было.

Корнеев прошёл в гостиную. На стене висела фотография молодого мужчины в рабочей спецовке. Под ней стояла подпись: «Павел. 2001 год».

Рядом на полке находился небольшой портрет Елены Соколовой.

Корнеев остановился.

На портрете девушка была изображена в профиль. Короткие тёмные волосы, тонкая цепочка на шее, знакомый браслет на запястье.

Он приблизился к фотографии.

Снимок был сделан не в школе и не на улице. На заднем плане виднелась белая стена с трещиной и край старого шкафа.

Корнеев повернулся к криминалисту.

— Снимите всё отдельно. И проверьте, когда могли быть сделаны фотографии.

— Есть основания считать их связанными с преступлением?

— Пока есть основания считать, что хозяйка дома знала Елену Соколову.

Он открыл нижний ящик комода.

Внутри лежали документы, квитанции и несколько старых конвертов. Среди них обнаружилась медицинская справка, выданная Павлу Климову в октябре 2001 года.

Корнеев прочитал документ дважды.

Справка подтверждала, что Павел обращался в больницу за три дня до официальной даты своей смерти.

Диагноз был неразборчиво написан от руки, но внизу стояла печать.

Он позвал эксперта.

— Сфотографируйте документ. Потом проверим в больнице, сохранились ли журналы обращений.

— Хорошо.

В следующем ящике лежала записная книжка.

Почерк был мелким, аккуратным. В ней записывались даты, фамилии и телефонные номера. Большинство записей относилось к началу двухтысячных годов.

На одной из страниц Корнеев увидел знакомую фамилию.

Руднев.

Рядом стоял номер телефона и короткая запись:

«После разговора — не звонить первой».

Следующая запись была сделана через неделю:

«Если спросит о Лене, ничего не говорить».

Корнеев перевернул страницу.

Там стояла дата: 17 октября 2001 года.

Под датой — всего два слова:

«Он вернулся».

Кто именно вернулся, Мария Ивановна не уточнила.

Но рядом с записью был нарисован маленький квадрат, перечёркнутый диагональной линией.

Корнеев видел этот знак раньше.

На одном из документов в деле Соколовой стояла такая же отметка. Он тогда не обратил на неё внимания, решив, что это пометка архивиста.

Теперь стало ясно: знак имел значение.

— Михаил Сергеевич, — позвал криминалист из соседней комнаты. — Здесь кое-что нашли.

В спальне, под половицей возле шкафа, обнаружилась

плоская жестяная коробка.

Внутри лежали три письма, небольшой ключ и фотография, на которой были изображены двое молодых людей.

Корнеев узнал обоих.

Елена Соколова и Павел Климов.

Они стояли у входа в старое здание химического завода. Елена держала в руках папку, Павел смотрел в сторону, словно заметил кого-то за пределами кадра.

На обороте было написано:

«Если один из нас исчезнет, второй должен рассказать правду».

Дата отсутствовала.

Корнеев аккуратно положил фотографию обратно.

Теперь он был почти уверен: Павел Климов не был случайной жертвой производственного несчастного случая.

Но где находилась Мария Ивановна?

И почему человек, которого она боялась, пришёл к ней именно накануне исчезновения?

В полдень Корнеев вернулся в отдел.

На его столе лежала распечатка телефонных соединений Виктора Руднева за последние десять дней. Запрос удалось оформить утром, после того как смерть адвоката перестала рассматриваться исключительно как естественная.

Большинство звонков были обычными: коллеги, клиенты, родственники.

Но три номера повторялись.

Первый принадлежал Анне Сергеевне Лебедевой.

Второй не значился ни в одном справочнике.

Третий был зарегистрирован на старое предприятие, закрытое более двадцати лет назад.

Корнеев набрал номер.

Ответа не было.

Он позвонил ещё раз.

После нескольких гудков раздался мужской голос:

— Слушаю.

— Добрый день. Полиция Лесогорска. Мне нужно поговорить с человеком, который пользуется этим номером.

— Вы ошиблись.

— Номер принадлежит бывшему химическому заводу?

— Возможно.

— Вы работаете там?

— Нет.

— Тогда кто вы?

Мужчина помолчал.

— Человек, который не хочет иметь проблем.

— Они у вас уже есть.

— Не у меня, капитан.

— Откуда вы знаете, что я капитан?

На том конце раздался тихий смешок.

— Потому что вы задаёте вопросы, на которые вам никто не ответит.

Связь оборвалась.

Корнеев немедленно перезвонил, но номер оказался недоступен.

Он посмотрел на распечатку.

Звонки Руднева на этот номер были сделаны за двенадцать дней до смерти, за четыре дня до смерти и в последний вечер его жизни.

Последний разговор длился семь минут.

Значит, это был не случайный звонок.

Корнеев вызвал оперативника Сергея Данилова.

— Нужно установить владельца номера. Не только по документам. Проверьте, кто мог пользоваться им раньше, кто обслуживал линию, к какому помещению она привязана.

— Понял.

— И ещё. Найдите всех, кто работал на химическом заводе в октябре 2001 года. Начните с руководства, охраны и медицинского пункта.

Данилов посмотрел на него с удивлением.

— Мы теперь расследуем смерть Климова?

— Пока мы расследуем смерть Руднева. Но, похоже, эти дела связаны.

— А если не связаны?

— Тогда мы это установим.

Когда оперативник вышел, Корнеев достал из внутреннего кармана записку Елены.

«Не верь Зорину. И никогда не ищи меня там, где меня похоронили».

Он положил её рядом с фотографией Елены и Павла.

Если Зорин действительно участвовал в сокрытии правды, то почему оставил следы, которые спустя двадцать пять лет можно было обнаружить? Если же он пытался защитить кого-то, почему не уничтожил документы полностью?

Возможно, он рассчитывал, что однажды кто-нибудь поймёт смысл его действий.

Но кому он мог доверять?

Корнееву?

Или человеку, который носил его фамилию?

В три часа дня позвонила Лидия Аркадьевна.

— Михаил Сергеевич, мы проверили отпечаток со стакана Руднева.

— Есть совпадение?

— Нет. Но есть кое-что другое. На поверхности обнаружены следы вещества, которое могло использоваться для очистки стекла. Судя по составу, это не бытовое средство.

— Что это значит?

— Кто-то мог специально обработать стакан после того, как его использовали.

— Чтобы уничтожить следы?

— Возможно.

Корнеев задумался.

— А вещество, которое обнаружили в крови Руднева, могло попасть в воду незадолго до смерти?

— Да. Но установить точное время пока невозможно.

— Значит, убийца мог прийти в квартиру, дать ему воду и уйти?

— Теоретически. Но дверь была заперта изнутри.

— А если убийца не выходил через дверь?

— Тогда ему пришлось бы воспользоваться окном, вентиляцией или каким-то другим способом. Но я осматривала квартиру. Следов проникновения через окна не обнаружили.

Корнеев посмотрел на план квартиры.

— Возможно, убийца вообще не находился там в момент смерти.

Лидия Аркадьевна помолчала.

— Вы думаете, яд могли подмешать заранее?

— Или Руднев сам выпил воду, не подозревая, что в ней что-то есть.

— Это объясняет отсутствие борьбы.

— Но не объясняет, почему он запер дверь изнутри.

— Может быть, он хотел побыть один.

— Или боялся, что кто-то придёт.

Корнеев вспомнил слова Анны Сергеевны: «Он сказал, что вам лучше ничего не вспоминать».

Если Руднев знал, что его могут убить, зачем остался в квартире один?

И почему оставил незаконченный текст с датой гибели Елены?

Он поблагодарил Лидию Аркадьевну и отключился.

В этот момент на стол легла записка от дежурного.

«Анна Сергеевна Лебедева просит срочно связаться с ней. Телефон недоступен. Адрес проверен — дома нет».

Корнеев вскочил.

Он набрал номер Анны Сергеевны.

Абонент был недоступен.

Затем позвонил участковому, который сопровождал его накануне.

— Вы проверяли дом Лебедевой?

— Да. Всё было спокойно.

— Когда?

— Сегодня утром.

— А сейчас?

— Не знаю.

— Немедленно направляйтесь туда. Проверьте соседей, двор, подъезды. И сообщите мне, как только появится хоть какая-то информация.

Он положил трубку и посмотрел на часы.

Три часа двадцать минут.

До этого момента он считал, что Анна Сергеевна — испуганная женщина, которая слишком долго молчала и теперь решила наконец рассказать правду.

Теперь он понимал: возможно, она была единственным человеком, который знал, что произошло в ночь гибели Елены Соколовой.

И кто-то ещё это понимал.

Участковый позвонил через сорок минут.

— Михаил Сергеевич, её нет дома.

— Что значит нет?

— Дверь заперта. Окна закрыты. Внутри всё на месте. Соседка говорит, что видела её утром возле магазина.

— Во сколько?

— Около восьми.

— Она была одна?

— По словам соседки, да.

— Куда пошла?

— Не знает.

Корнеев помолчал.

— Проверяйте больницы, вокзал, автобусные станции. Запросите камеры. И выясните, не вызывала ли она такси.

— Понял.

— И ещё. Осмотрите дверь. Есть ли следы взлома?

— Нет.

Корнеев отключился.

Он сидел неподвижно, пока за окном темнело небо.

Сначала умер Руднев.

Потом исчезла Мария Климова.

Теперь пропала Анна Сергеевна.

Все трое были связаны с делом Соколовой. Все трое могли рассказать то, чего не было в официальных документах.

И каждый раз, когда Корнеев приближался к разгадке, кто-то исчезал или умирал.

Он открыл блокнот и записал три фамилии.

Руднев. Климова. Лебедева.

Рядом написал:

Следующий?

Он долго смотрел на это слово.

Потом зачеркнул его.

Нет. Он не собирался ждать, кто станет следующим.

Он собирался найти того, кто управлял этой цепочкой событий.

В половине седьмого вечера на его телефон пришло сообщение с неизвестного номера.

Без приветствия. Без подписи.

Только одна фраза:

«Вы ищете седьмого свидетеля не там. Спросите у матери, почему она похоронила чужого ребёнка».

Корнеев перечитал сообщение.

Затем позвонил дежурному и попросил поднять все сведения о семье Елены Соколовой.

— Мне нужны её родители, родственники, документы о захоронении, сведения о выдаче тела. Всё, что сохранилось.

— Понял.

— И ещё. Найдите мать Андрея Ветрова.

— Его мать умерла несколько лет назад.

— Я знаю. Мне нужны сведения о её смерти и о том, кто оформлял документы.

Он положил трубку.

Если кто-то действительно похоронил чужого ребёнка, значит, дело было не только в подмене тела.

Кто-то должен был знать, кого хоронят.

Кто-то должен был подписать документы.

Кто-то должен был молчать все эти годы.

Корнеев посмотрел на фотографию Елены.

Теперь он видел её иначе.

Не как погибшую девушку, чья смерть осталась нераскрытой.

А как человека, который заранее знал, что его могут объявить мёртвым.

И, возможно, сам помог этому случиться.

Глава пятая. Подпись мёртвой женщины

◆

Утром Лесогорск выглядел так, словно ничего не произошло.

Автобусы ползли по мокрым улицам, у пекарни на Советской выстроилась очередь, дворники сгребали к бордюрам грязные листья. Над крышами висел низкий серый туман, и только трубы старого химического завода, торчавшие на окраине, казались темнее обычного. Они давно не работали, но город по-прежнему жил в их тени.

Михаил Корнеев приехал в отделение раньше всех.

Он почти не спал. Перед глазами снова и снова возникала записка Елены: «Не верь Зорину. И никогда не ищи меня там, где меня похоронили».

Последние слова теперь приобретали другой смысл.

Если Андрей Ветров действительно сказал на допросе, что похоронили не Лену, а следователь заставил его отказаться от этих слов, то вся история могла оказаться не просто судебной ошибкой. Кто-то сознательно создал ложную смерть. И сделал это настолько убедительно, что спустя четверть века никто не усомнился в документах.

Но для чего?

Чтобы скрыть убийство? Чтобы спасти человека? Или чтобы один человек исчез, а другой занял его место?

Корнеев включил компьютер и открыл ответ из архива ЗАГС. Запрошенные накануне документы поступили ночью.

Он начал с акта о смерти Елены Соколовой.

Документ выглядел безупречно: дата, место обнаружения тела, сведения о родителях, подпись сотрудника, печать. На отдельном листе значилось, что опознание провела мать девушки, Нина Павловна Соколова.

Михаил перечитал строку.

Потом открыл приложенную выписку из архива.

Нина Павловна умерла в июне 2001 года.

За четыре месяца до гибели дочери.

Корнеев откинулся на спинку кресла.

— Вот это уже интересно, — произнёс он вслух.

В дверь постучали.

На пороге появился Сергей Данилов, держа в руках две бумажные папки и пластиковый стаканчик кофе.

— Ты опять ночевал здесь?

— Не отвлекайся на мою личную жизнь. Что с номером?

Данилов поставил папки на стол.

— Номер действительно принадлежал химическому заводу. Но это не обычный телефонный номер. В две тысячи первом он числился за внутренней линией службы безопасности. Потом линию отключили, а номер в документах продолжал числиться за предприятием. В две тысячи девят-

надцатом его восстановили для городской телефонной сети. Оформлял подключение некий Вадим Сергеевич Мельников.

— Кто такой?

— Бывший начальник смены завода. Сейчас живёт в Лесогорске. Шестьдесят восемь лет. На пенсии. Детей нет, жена умерла. К уголовной ответственности не привлекался.

— А Руднев зачем ему звонил?

— Пока не знаю. Но есть ещё кое-что.

Данилов открыл вторую папку.

— Мельников был одним из тех, кто в октябре две тысячи первого подписывал акт о несчастном случае с Павлом Климовым.

Корнеев посмотрел на него.

— Он подписывал документ о гибели человека, тело которого, возможно, использовали для подмены?

— Возможно. Но есть нюанс. В акте указано, что Климов погиб в цехе. По медицинскому заключению, смерть наступила до полуночи семнадцатого октября. А в журнале проходной записано, что Климов покинул территорию завода в двадцать часов сорок минут.

— Сам?

— Пропуск отметили на выход. Подпись охранника есть. А вот подписи самого Климова нет.

Михаил взял лист.

В графе выхода стояло время: 20:40. Ниже — короткая

пометка, сделанная другим почерком: «Пропуск изъят».

— Почему пропуск изъяли?

— Не указано.

— А охранник?

— Умер в две тысячи двенадцатом.

Корнеев медленно закрыл папку.

— Удобно. Один умер, другой умер, третий умер. Скоро окажется, что в этом деле вообще некому задавать вопросы.

— Не всем же умирать одновременно, — заметил Данилов. — Мельников жив.

— Пока.

Михаил произнёс это без улыбки.

Он снова посмотрел на акт о смерти Елены. Подпись Нины Павловны Соколовой была выведена уверенно, с длинным росчерком в конце. Рядом имелась отметка о том, что документ удостоверен сотрудником районной прокуратуры.

Имя сотрудника Корнеев знал.

Пётр Семёнович Зорин.

Его наставник.

Человек, которому он доверял настолько, что когда-то собирался пойти по его стопам.

В архивном помещении районного суда пахло пылью, старой бумагой и холодным металлом стеллажей.

Корнеев предъявил служебное удостоверение и запрос. Молодая архивистка, которая сначала пыталась объяснить, что документы двадцатипятилетней давности выдаются не

сразу, заметно изменилась в лице, увидев фамилию Зорина.

— Вы его родственник? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему вы…

— Потому что он подписывал документы по делу об убийстве Елены Соколовой. И потому что я хочу понять, почему на акте о её опознании стоит подпись женщины, умершей за несколько месяцев до этого.

Архивистка замолчала.

Через двадцать минут перед Корнеевым лежала коробка с материалами.

Он начал с протокола опознания.

В документе говорилось, что Нина Павловна Соколова опознала тело дочери по родинке на левом плече и серебряному браслету с буквой «Е».

Михаил перечитал описание.

Родинка. Браслет.

На фотографии семерых молодых людей, которую принесла Анна Сергеевна, браслет с буквой «Е» был на запястье девушки, стоявшей на самом краю снимка.

Но если мать Елены умерла в июне, кто опознавал тело в октябре?

Он перевернул лист.

Внизу стояла подпись: «Н. П. Соколова».

Корнеев достал из папки копию свидетельства о смерти Нины Павловны. Подпись в акте была слишком аккуратной,

почти каллиграфической. На свидетельстве о смерти подпись отсутствовала — документ оформляли без заявления родственников, на основании больничного извещения.

Он попросил архивистку найти материалы о самой Нине Павловне.

— Это уже другое дело, — предупредила она.

— Я знаю.

— Вам придётся объяснить, почему оно связано с расследованием.

— Я объясню.

Через несколько минут ему принесли тонкую папку.

Нина Павловна Соколова умерла в городской больнице после тяжёлой формы пневмонии. В деле имелись выписка из истории болезни, заключение врача и запись о выдаче тела для захоронения.

Но фамилия человека, забравшего тело, была ему незнакома.

Павел Сергеевич Климов.

Михаил замер.

Павел Климов, официально погибший в октябре того же года, забрал тело Нины Соколовой из морга в июне.

Это было невозможно только в одном случае: если Павел умер не тогда, когда утверждали документы, или если кто-то сознательно подменил даты.

Он почувствовал, как внутри медленно поднимается холодное раздражение.

— Мне нужна копия каждой страницы, — сказал он архивистке. — И отдельно — журнал выдачи тел за июнь и октябрь две тысячи первого года.

— Это займёт время.

— Тогда начните сейчас.

Она посмотрела на него, но спорить не стала.

Корнеев вернулся к протоколу опознания.

В самом низу, почти у сгиба, он заметил карандашную пометку, которую не разглядел раньше:

«Опознание проведено без присутствия родственников. Личность подтверждена по документам».

Под пометкой стояли инициалы: П. З.

Зорин не просто заверил документ. Он знал, что родственников не было.

И всё равно подписал его.

В отделении Михаила ждал незнакомый мужчина.

Он сидел в коридоре на жёстком стуле, сцепив руки между коленями. На вид ему было около пятидесяти пяти. Тёмная куртка застёгнута до горла, седые волосы аккуратно зачёсаны назад. На лице — усталость человека, который долго собирался с духом и в последний момент едва не передумал.

Увидев Корнеева, мужчина поднялся.

— Вы капитан Корнеев?

— Да. Вы ко мне?

— Меня зовут Илья Викторович Сазонов. Я прочитал в интернете, что вы заново подняли дело Елены Соколовой.

— В интернете пока ничего не публиковали.

Мужчина отвёл глаза.

— Значит, я ошибся.

— Вы не ошиблись. Просто объясните, откуда узнали.

Сазонов посмотрел на закрытую дверь кабинета.

— Я знаю, что Елена жива.

Корнеев не пошевелился.

Он слышал эту фразу раньше, но каждый раз она звучала по-разному. От одних людей — как безумная надежда, от других — как попытка запутать следствие. Сейчас мужчина говорил спокойно, почти бесцветно. Так говорят о вещах, которые слишком долго носили в себе.

— Когда вы видели её в последний раз? — спросил Михаил.

— В две тысячи пятнадцатом году.

— Где?

— В электричке. Я ехал из областного центра. Она сидела напротив, читала книгу. Я узнал её сразу.

— Вы были знакомы?

— Нет. Но я видел её фотографию много раз.

— Где?

Сазонов сглотнул.

— У матери. Она работала в больнице. В две тысячи первом году к ней привезли девушку после аварии. Девушка была без документов, с травмой головы. Мать говорила, что та не помнила собственного имени.

Корнеев сел напротив него.

— Как звали вашу мать?

— Вера Павловна Сазонова. Она была медсестрой в городской больнице. Умерла семь лет назад.

— И вы решили рассказать об этом только сейчас?

— Я не был уверен. В две тысячи пятнадцатом она выглядела старше, сильно изменилась. Но когда я увидел её профиль, понял: это та самая девушка. У неё была маленькая родинка возле уха. И она держала книгу левой рукой. Мать говорила, что после травмы она всё делала левой рукой, хотя раньше была правшой.

— Вы подошли к ней?

— Да.

— Что она сказала?

Сазонов помедлил.

— Она посмотрела на меня и сказала: «Вы меня с кем-то перепутали».

— И вы ей поверили?

— Нет. Потому что через несколько минут, когда она думала, что я не смотрю, она коснулась запястья. Вот так.

Он показал жест: большим пальцем провёл по внутренней стороне левого запястья.

Михаил почувствовал, как напряглись мышцы шеи.

Елена делала так в школе, когда нервничала. Она могла сидеть на уроке, отвечать уверенно, даже улыбаться, но пальцы при этом беспрерывно гладили кожу под браслетом.

— Что было дальше? — спросил он.

— Я вышел на следующей станции. Не выдержал. Мне показалось, что я должен был сделать что-то ещё. Но я не знал что.

— Вы пытались найти её?

— Да. Проверял старые фотографии, искал сведения. Ничего. Потом несколько дней назад мне позвонил незнакомый человек.

— Кто?

— Мужчина. Голос низкий, спокойный. Спросил, помню ли я женщину из электрички. Я ответил, что помню. Он сказал: «Тогда не рассказывайте об этом никому. Иначе ваша мать окажется виноватой в том, чего не совершала».

— Вы записали номер?

Сазонов достал телефон.

— Да.

Михаил переписал номер и передал его Данилову, который уже стоял в дверях.

— Проверь.

Данилов вышел.

— Почему вы всё-таки пришли? — спросил Корнеев.

Сазонов впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что вчера я получил конверт. Без обратного адреса. Внутри была фотография моей матери и записка: «Вы опоздали на двадцать пять лет. Не опаздывайте ещё раз».

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист.

Корнеев развернул его.

На снимке Вера Павловна Сазонова стояла у больничного крыльца рядом с молодой женщиной. Лица женщины почти не было видно — она отвернулась от камеры. Но на её запястье отчётливо выделялся серебряный браслет с маленькой буквой «Е».

На обороте фотографии рукой, похожей на почерк из письма Елены, было написано:

«Если меня снова объявят мёртвой, не верьте документам».

Михаил долго смотрел на снимок.

Потом поднял глаза на Сазонова.

— Вы понимаете, что после этого разговора ваша жизнь может измениться?

— Она уже изменилась, — тихо ответил мужчина. — Я двадцать пять лет жил с мыслью, что мать иногда врала. Теперь я думаю, что она всю жизнь кого-то спасала.

Корнеев аккуратно убрал фотографию в прозрачный пакет.

— Ваша мать когда-нибудь говорила, кто привёз девушку в больницу?

— Только однажды. Я был подростком. Она сказала, что девушку привёз мужчина, который попросил не регистрировать её под настоящим именем.

— И вы помните его?

Сазонов закрыл глаза, словно пытался разглядеть давно

забытое лицо.

— Да. Высокий. Тёмное пальто. На левой руке не хватало кончика мизинца.

Михаил почувствовал, как дело начинает складываться в новую, гораздо более опасную картину.

Потому что такой человек уже появлялся в показаниях соседки Марии Климовой.

Высокий мужчина в тёмном пальто.

Знакомый голос.

И, возможно, тот самый человек, который недавно проверял дверь Анны Сергеевны Лебедевой.

Вечером Корнеев поехал к дому Петра Семёновича Зорина.

Он не был здесь шесть лет — с похорон наставника. Тогда Михаил стоял у свежей могилы, слушал чужие слова о честном следователе и думал, что потерял человека, который научил его отличать правду от удобной версии.

Теперь ему хотелось верить, что Зорин хотя бы в последние годы жизни понял, что натворил.

Но на этот счёт у Михаила не было никаких оснований.

Дом Зорина стоял в старом квартале, за железными воротами. В окнах темнели плотные шторы. По официальным сведениям, после смерти хозяина дом перешёл племяннице, которая жила в другом городе и приезжала сюда лишь изредка.

Корнеев позвонил в дверь.

Ответа не было.

Он обошёл дом, проверил окна. В кухне, за мутным стеклом, лежала на столе раскрытая газета. На подоконнике стояла чашка, покрытая слоем пыли.

Дом выглядел пустым.

Но у заднего крыльца Михаил заметил свежий след грязной обуви. Один отпечаток, потом второй. Кто-то недавно подходил к двери и уходил в сторону огорода.

Корнеев обошёл строение и увидел, что замок на сарае новый.

Это было странно. Сарай разваливался, крыша просела, доски почернели от сырости. Менять замок на таком строении не имело смысла.

Он достал фонарь, осмотрел дужку.

На металле остались свежие царапины.

Михаил вызвал Данилова и дождался его, не отходя от сарая.

— Думаешь, там что-то есть? — спросил Сергей.

— Я думаю, что кто-то не хочет, чтобы мы это увидели.

Замок вскрыли без особых усилий.

Внутри пахло сырой древесиной и старым машинным маслом. В углу стоял верстак, под ним — ящики с инструментами. На стене висела выцветшая рабочая куртка. Ничего необычного.

Пока Данилов осматривал дальнюю стену, Михаил заметил, что одна из досок пола лежит чуть выше остальных.

Он поддел её ножом.

Под доской оказался плоский металлический футляр.

Внутри лежали три вещи: старая кассета, сложенный вчетверо лист бумаги и школьная фотография.

На фотографии Михаил узнал себя.

Двадцать пять лет назад. Школьный двор. Последний звонок. Он стоял рядом с Еленой, чуть отвернувшись от камеры. Она улыбалась, но не фотографу — ему.

На обороте была надпись:

«Миша, если ты когда-нибудь вспомнишь, что обещал мне в тот вечер, ты поймёшь, почему молчал».

Корнеев почувствовал, будто кто-то ударил его под дых.

Он не помнил никакого обещания.

Или не позволял себе помнить.

Он перевернул лист бумаги. Там было всего несколько строк, написанных Зориным:

«Миша не должен узнать правду до тех пор, пока не найдёт седьмого. Если узнает раньше, он повторит мою ошибку».

Ниже — дата: 18 октября 2001 года.

На следующий день после официальной гибели Елены.

Данилов поднял кассету.

— Есть где прослушать?

— В отделении найдём.

Корнеев убрал футляр в пакет. Уже у выхода он заметил ещё одну деталь: на внутренней стороне крышки металличе-

ского футляра было нацарапано одно слово.

«ЖИВА».

Не «жив».

Не «живой».

Жива.

И Михаил вдруг понял, что Зорин оставил этот футляр не для полиции.

Он оставил его для него.

Для мальчика, который когда-то обещал Елене что-то важное и спустя четверть века не мог вспомнить даже сам факт обещания.

В машине Данилов молчал, пока они ехали обратно в отделение.

Потом спросил:

— Ты знаешь, что она имела в виду?

— Нет.

— А фотографию почему так рассматриваешь?

Михаил не ответил.

Потому что на снимке он наконец заметил то, чего не видел раньше.

Елена держала его за руку.

Не просто стояла рядом. Её пальцы были переплетены с его пальцами, а на запястье виднелся серебряный браслет с буквой «Е».

Но самое страшное было не это.

На заднем плане, у школьных ворот, стоял Пётр Зорин.

Он смотрел прямо в объектив.

И рядом с ним находился молодой мужчина в тёмном пальто.

У мужчины не хватало кончика мизинца на левой руке.

В отделении кассету прослушали после полуночи.

Запись была старой, с помехами. Сначала слышался шум ветра, затем скрип двери и мужской голос.

Голос Зорина.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

Другой голос ответил:

— Понимаю лучше тебя.

— Девочка не выдержит.

— Она уже выдержала больше, чем ты думаешь.

Несколько секунд тишины.

Потом Зорин произнёс:

— Если её найдут, они убьют и её, и мальчишку.

— Значит, её не найдут.

— А тело?

— Тело будет. Документы будут. Свидетели будут. Всё, что вам нужно для правды, которую вы сами выбрали.

Послышался короткий смешок.

— Ты ведь хороший следователь, Пётр Семёнович. Ты знаешь, как это делается.

Запись оборвалась.

Корнеев сидел неподвижно.

Данилов первым нарушил тишину:

— Получается, подмену организовали заранее.

— Или обсуждали возможность подмены. Это ещё не доказательство, что всё произошло именно так.

— А кто второй?

Михаил снова включил последние секунды записи.

Голос был незнакомым, но в нём слышалось что-то неприятно спокойное. Не угроза, не злость — уверенность человека, который давно решил, что имеет право распоряжаться чужими судьбами.

— Надо установить, кому принадлежал голос, — сказал Корнеев. — И найти женщину, которую привезли в больницу в две тысячи первом. Если это Елена, значит, она пережила ту ночь. Но почему она исчезла потом — мы пока не знаем.

Он выключил запись.

На экране телефона появилось сообщение с неизвестного номера.

«Вы наконец нашли то, что оставил Зорин. Теперь вспомните, что обещали Елене. Иначе седьмой свидетель умрёт так же, как первый».

Корнеев перечитал сообщение дважды.

Первый свидетель.

Руднев?

Или тот, чьё тело похоронили под именем Елены Соколовой?

Он набрал номер Анны Сергеевны. Телефон был выключен.

Позвонил Сазонову. Тот не ответил.

Тогда Михаил набрал номер, который Данилов нашёл в старых документах, — номер Вадима Мельникова.

Гудки шли долго.

Наконец мужчина ответил.

— Слушаю.

— Вадим Сергеевич Мельников? Капитан Корнеев. Мне нужно поговорить с вами о Павле Климове и Елене Соколовой.

На другом конце провода стало тихо.

Потом Мельников спросил:

— Вы нашли кассету?

Корнеев медленно выпрямился.

— Откуда вы знаете о кассете?

— Потому что я сам положил её туда двадцать пять лет назад.

— Зачем?

Мельников тяжело выдохнул.

— Потому что Зорин приказал мне молчать. А потом я понял, что он боится не тех людей.

— Кого он боялся?

— Не могу говорить по телефону.

— Тогда скажите, где мы встретимся.

Мельников назвал адрес старой автобусной станции на окраине города.

— Приезжайте один. И, капитан… если вы хотите узнать,

кто такая Елена Соколова на самом деле, не берите с собой фотографию.

— Почему?

Ответ прозвучал едва слышно:

— Потому что девушка на фотографии — не Елена.

Связь оборвалась.

Корнеев медленно опустил телефон.

За окном начинался дождь. В коридоре дежурный включил свет, и белая полоса легла на дверь кабинета.

Михаил снова достал школьную фотографию.

Он смотрел на девушку, с которой когда-то учился, разговаривал, смеялся и, возможно, был связан обещанием, стёртым из памяти не временем, а чем-то гораздо более страшным.

Двадцать пять лет он считал, что Елена погибла.

Теперь ему предстояло выяснить, кого именно похоронили под её именем.

И почему все эти годы он сам помогал правде оставаться мёртвой.

Глава шестая. Человек на конечной

◆

Старая автобусная станция находилась на северной окраине Лесогорска, за железнодорожной веткой и заброшенными складами. Когда-то отсюда уходили автобусы в рабочие посёлки, к химическому заводу и в деревни, которых теперь почти не осталось на карте. Потом маршруты отменили, здание закрыли, а павильон с кассами превратили в склад дорожной службы.

К половине первого ночи дождь усилился.

Корнеев оставил машину за квартал от станции и последние двести метров прошёл пешком. Он не собирался нарушать просьбу Мельникова и брать с собой фотографию. Но он не собирался и приезжать совершенно неподготовленным: Данилов знал место встречи и должен был ждать неподалёку, не вмешиваясь без сигнала.

Вадим Мельников назначил встречу на час ночи.

На часах Михаила было двенадцать пятьдесят семь.

В здании не горел свет. Сквозь выбитые окна тянуло сыростью, а в глубине коридора постукивала незакреплённая жестяная дверь. Корнеев включил фонарь и прошёл к бывшему залу ожидания.

Мельников сидел у стены на старой деревянной скамье.

Перед ним стояла небольшая дорожная сумка. Сам он выглядел старше, чем на фотографии из архивного дела: редкие волосы, обвисшая кожа на щеках, тяжёлые мешки под глазами. На нём было то самое тёмное пальто, которое Михаил видел на снимке Зорина.

— Вы всё-таки приехали, — сказал Мельников.

— Вы сами меня позвали.

— Люди часто не приходят, когда понимают, что встреча может оказаться последней.

— Вы поэтому назначили её здесь? Чтобы было удобнее исчезнуть?

Мельников слабо усмехнулся.

— Вы говорите как Зорин. Он тоже всегда задавал вопрос так, будто ответ уже знал.

— Вы были знакомы с Петром Семёновичем?

— Слишком хорошо.

— Тогда начнём с простого. Кто был похоронен под именем Елены Соколовой?

Мельников поднял голову.

— Павел Климов.

Михаил не ответил. Он ожидал услышать это, но услышанное всё равно заставило его напрячься.

— Вы уверены?

— Я видел тело. Я подписывал документы. Я помогал Зорину убрать следы. Не спрашивайте, почему. Если бы я мог

вернуться в две тысячи первый год, я бы сделал всё иначе.

— Значит, Павел погиб семнадцатого октября?

— Да.

— А Елена?

Мельников потёр лицо ладонями.

— Елена была жива. По крайней мере, когда я видел её в последний раз.

— Где?

— В больнице.

— В городской больнице?

Мельников кивнул.

— Её привезли ночью. Она была без сознания. Рядом находился мужчина. Тот самый, которого вы ищете. Высокий, с повреждённым мизинцем. Он сказал, что девушка попала в аварию, и потребовал оформить её под другим именем.

— А вы почему оказались рядом?

— Я отвечал за заводскую охрану. В тот вечер Павел пришёл ко мне и попросил помочь ему вывезти девушку из города. Он сказал, что за ними следят. Я решил, что речь идёт о каких-то личных неприятностях. Думал, что смогу уладить дело разговором.

— С кем?

— С человеком, которого лучше было не знать.

— Назовите имя.

Мельников посмотрел на него с таким выражением, словно именно этого вопроса и боялся.

— Аркадий Борисович Воронцов.

Корнеев знал эту фамилию. В начале двухтысячных Воронцов руководил службой безопасности химического предприятия, а позднее стал одним из учредителей строительной компании. Затем перебрался в областной центр. В последние годы его имя несколько раз появлялось в газетах рядом с крупными благотворительными проектами и общественными наградами.

Человек, который построил себе безупречную репутацию.

— Он жив? — спросил Михаил.

— Жив. И до сих пор умеет заставлять людей молчать.

— Что произошло семнадцатого октября?

Мельников долго смотрел на собственные руки.

— Павел узнал, что на заводе пропадают документы о выбросах химических отходов. Не просто бумажки. Там были результаты анализов, которые могли закрыть предприятие и отправить несколько человек за решётку. Он работал в лабораторном корпусе и случайно увидел копии отчётов. Потом выяснил, что часть сотрудников получала деньги за подделку данных.

— И Елена была к этому причастна?

— Она помогала Павлу. У неё был знакомый в администрации, который обещал передать документы журналистам. Но кто-то узнал об этом. Павла вызвали на разговор. Елена пошла с ним, потому что считала, что они смогут договориться.

— С кем был разговор?

— С Воронцовым.

— И дальше?

— Павел вернулся на завод один. Через несколько часов его нашли мёртвым.

— Отравление?

— Не знаю. Мне сказали, что несчастный случай. Но я видел его руки. Он не мог погибнуть так, как написали в акте.

Корнеев вспомнил медицинскую справку, найденную в доме Марии Климовой. Павел обращался к врачу за несколько дней до официальной смерти. В заключении упоминались слабость, головокружение и боли в груди.

— Его отравили заранее?

— Возможно. Я не врач. Но Павел говорил, что ему угрожают. Он боялся не за себя. Боялся, что Елена тоже окажется в опасности.

— А тело?

Мельников закрыл глаза.

— После смерти Павла всё пошло не так, как они планировали. Елена исчезла. Зорин сказал, что её нужно объявить погибшей. Мне велели помочь с документами. Я должен был подтвердить, что в карьере нашли девушку, опознанную как Елена Соколова.

— Но вы сказали, что там лежал Павел.

— Да. Его тело переодели, на руку надели браслет Елены. Лицо было повреждено. На этом и построили версию. Никто

не хотел внимательно смотреть на тело. А те, кто мог бы задать вопросы, уже получили деньги или угрозы.

Корнеев почувствовал, как сжались пальцы.

— А мать Елены? Она умерла в июне. Кто подписал опознание?

— Никто не подписывал его при мне. Зорин принёс готовые бумаги. Сказал, что всё согласовано.

— Вы знали, что подпись поддельная?

— Да.

— И молчали двадцать пять лет.

Мельников не стал оправдываться.

— Я боялся. У меня была жена, маленький сын. Воронцов однажды показал мне фотографию моего ребёнка возле школы. После этого я делал всё, что он приказывал.

— А теперь ваш сын вырос. Жена умерла. И вы решили, что бояться больше нечего?

— Нет. Я решил, что больше не могу жить с тем, что сделал.

Он расстегнул сумку и вынул плотный конверт.

— Здесь копии заводских отчётов, фамилии тех, кто участвовал в подделке документов, и запись разговора с Воронцовым. Оригинал я спрятал в другом месте.

— Где?

— Я скажу, если вы сможете обеспечить мне защиту.

— Сначала я должен проверить то, что вы принесли.

— Проверяйте. Но времени у вас мало.

— Почему?

Мельников посмотрел в сторону тёмного коридора.

— Потому что Воронцов уже знает, что вы подняли дело. И потому что Анна Сергеевна Лебедева не пропала.

Корнеев резко повернулся к нему.

— Где она?

— У него.

— Вы хотите сказать, что он её похитил?

— Я хочу сказать, что Анна сама пришла к нему.

Михаил не стал сразу задавать новые вопросы.

Он понимал: Мельников либо наконец решил рассказать правду, либо ведёт его в ловушку. В обоих случаях нужно было сохранять спокойствие.

— Откуда вы знаете, что Анна у Воронцова?

— Потому что она звонила мне вчера. Сказала, что больше не хочет прятаться. Что собирается закончить всё сама.

— И вы позволили ей пойти к человеку, которого считаете опасным?

— Я не знал, где она будет с ним встречаться. Она не сказала.

— Но вы не сообщили в полицию.

— Я не доверял полиции.

Михаил усмехнулся без веселья.

— После того, что вы рассказали, трудно обвинить вас в отсутствии причин.

Мельников принял удар молча.

— Есть ещё кое-что, капитан. Анна сказала, что у неё сохранилось последнее письмо Елены. Не то, которое вы нашли у неё дома. Другое.

— Что в нём?

— Она не успела прочитать его мне. Только сказала одну фразу: «Миша должен вспомнить, кто стоял рядом с ним, когда всё случилось».

Внутри у Корнеева что-то оборвалось.

— Что именно случилось?

— Я не знаю. Но Анна сказала, что вы были там.

Михаил резко поднялся.

— Где?

Мельников покачал головой.

— Если бы я знал, я бы сказал. Я видел вас только однажды, в октябре две тысячи первого. Вы стояли у ворот старого химического завода. Рядом с вами была Елена. Вы спорили. Она плакала, а вы держали её за руку.

— Этого не было.

— Вы уверены?

Корнеев хотел ответить, но слова не вышли.

Он помнил школьный двор, последний звонок, улыбку Елены на фотографии. Помнил её привычку касаться запястья, когда она нервничала. Помнил, как однажды она сказала ему, что взрослые умеют превращать ложь в правду, если достаточно долго повторяют её вслух.

Но октябрьский вечер оставался пустым местом.

Как будто кто-то вырезал из памяти целый день.

— Что вы сделали с оригиналами документов? — спросил Михаил, возвращаясь к делу.

— Спрятал.

— Где?

— В старом помещении заводской медицинской службы. Там, где когда-то работала Вера Павловна Сазонова.

— Вы знали её?

— Она помогла Елене. И не только ей.

— Кому ещё?

Мельников не успел ответить.

Снаружи раздался звук двигателя.

Один автомобиль проехал мимо здания, затем второй. Оба замедлили ход.

Мельников побледнел.

— Они нашли меня.

Корнеев выключил фонарь.

— Кто?

— Люди Воронцова.

— Сколько?

— Не знаю.

Из-за стены донёсся хлопок дверцы машины.

Затем шаги.

Михаил достал оружие и жестом велел Мельникову оставаться на месте.

Он двинулся к боковому выходу. В дверном проёме по-

казалась фигура мужчины. Высокий, в тёмном пальто. Лицо скрывал поднятый воротник.

Левая рука была в перчатке.

— Капитан Корнеев, — произнёс незнакомец. — Вы совершаете большую ошибку.

— Назовитесь.

— Вы меня знаете.

— Нет.

— Пока нет.

Мужчина сделал шаг вперёд.

— Отдайте конверт, и мы разойдёмся.

— Вы слишком уверены, что я готов с вами договариваться.

— А вы слишком уверены, что понимаете, что ищете.

— Тогда объясните.

Незнакомец слегка наклонил голову.

— Вы ищете Елену Соколову. Но если найдёте её, вам придётся ответить на вопрос, почему она позволила другому человеку умереть вместо себя.

Михаил замер.

Мужчина воспользовался паузой и бросился к выходу.

Корнеев рванулся следом, но незнакомец оказался быстрее. На улице он перепрыгнул через низкое ограждение и скрылся между складскими постройками.

Михаил побежал за ним, однако через несколько секунд понял, что преследование бесполезно: дождь размывал сле-

ды, а тёмные проходы между зданиями уходили в разные стороны.

Он вернулся в зал ожидания.

Мельников стоял у скамьи, прижимая руку к груди.

— Он что-то сказал вам? — спросил Михаил.

— Да.

— Что?

— Что я уже всё равно не успею.

— Не успеете что?

Мельников посмотрел на конверт в руках Корнеева.

— Спасти человека, которого вы похоронили двадцать пять лет назад.

И рухнул на пол.

Скорая приехала через девять минут.

Мельников был жив, но почти не приходил в сознание. Врачи предположили сердечный приступ. Михаил настоял, чтобы его сопровождал сотрудник полиции, а Данилов остался у больницы.

Конверт забрали на экспертизу.

Внутри оказались копии заводских отчётов, несколько списков фамилий и два машинописных документа. На первом значилось, что Павел Климов погиб в результате несчастного случая. На втором — что Елена Соколова опознана родственниками.

Подпись Нины Павловны была поддельной.

Но самое важное находилось на последнем листе.

Это был список из семи фамилий.

Шесть Корнеев уже знал. Они совпадали с именами свидетелей по делу об убийстве Елены.

Седьмая фамилия была зачёркнута.

Рядом рукой Мельникова было написано:

«Седьмой — не тот, кто видел смерть. Седьмой — тот, кто видел, как её устроили».

Корнеев долго смотрел на эти слова.

Он уже почти решил, что седьмым свидетелем был сам Зорин. Но теперь понимал: это слишком просто. Зорин подписывал документы, участвовал в сокрытии, возможно, организовал подмену тела. Однако он не обязательно был тем человеком, который видел начало преступления.

Михаил перевернул лист.

Под зачёркнутой фамилией проступали следы букв. Он поднёс бумагу к настольной лампе, сфотографировал её и увеличил изображение.

Имя было почти нечитаемым.

Но фамилию можно было разобрать.

Корнеев.

Михаил медленно опустил телефон.

Это была его фамилия.

Не обязательно его самого — в Лесогорске жили и другие Корнеевы. Но в списке не было отчеств, только фамилии. И если Зорин написал «Миша не должен узнать правду», если Елена оставила ему записку, если Мельников видел его у во-

рот завода в тот вечер…

Он больше не мог считать себя сторонним наблюдателем.

Возможно, он не просто знал Елену.

Возможно, он был последним человеком, который видел её до исчезновения.

И если так, то его забытая память могла оказаться важнее всех документов, которые он собрал за последние дни.

Утром Данилов позвонил ему из больницы.

— Мельников пришёл в себя. Говорить может, но врачи не разрешают долго.

— Он назвал того, кто напал на нас?

— Нет. Но он попросил передать тебе одну вещь.

— Какую?

— Сказал, что ты должен найти Марину.

Корнеев нахмурился.

— Какую Марину?

— Он не уточнил. Только повторил: «Миша поймёт, когда вспомнит Марину».

Михаил закрыл глаза.

Имя ударило по нему неожиданно, как запах из давно закрытой комнаты.

Марина.

Он знал это имя.

В школе была Марина — тихая девочка из параллельного класса. Она дружила с Еленой, но после октября две тысячи первого исчезла из города. По слухам, её семья переехала на

юг. Михаил никогда не выяснял, куда именно.

Он помнил другое.

За несколько дней до гибели Елены Марина пришла к нему после уроков и сказала:

«Если Лена попросит тебя забыть что-то, не соглашайся. Она иногда думает, что спасает людей, когда на самом деле оставляет их одних».

Тогда он не понял смысла этих слов.

Теперь они возвращались с пугающей ясностью.

— Найди её, Сергей, — сказал Корнеев. — Любым законным способом. Установи, где она жила после две тысячи первого года. Проверь документы о переезде, работу, браки, смену фамилии. Всё.

— Уже ищу.

— И ещё. Никому не говори о фамилии в списке.

— Даже Лидии Аркадьевне?

Корнеев помолчал.

— Особенно пока ей не говори.

Он отключился и достал школьную фотографию, которую не взял на встречу с Мельниковым.

Елена держала его за руку. На заднем плане стояли Зорин и мужчина с повреждённым мизинцем.

Теперь Михаил заметил ещё одну деталь.

В правом нижнем углу фотографии, почти за пределами кадра, виднелась женская рука. На запястье были часы с круглым циферблатом.

Такие же часы носили шестеро молодых людей на снимке Анны Сергеевны.

Но на этом фото часы были надеты на руку взрослой женщины.

И под циферблатом, если присмотреться, можно было увидеть тонкую гравировку.

«М. К. — 17.10.01».

Михаил перевернул фотографию, снова посмотрел на дату и почувствовал, как в голове начинает раскрываться то, что он двадцать пять лет пытался не замечать.

Семнадцатое октября было не только днём смерти Павла Климова.

Это был день, когда кто-то решил, что одна жизнь может быть обменена на другую.

И, судя по всему, Михаил Корнеев каким-то образом участвовал в этом решении.

Он не помнил как.

Но теперь у него оставался выбор: продолжать расследование как полицейский или впервые за четверть века посмотреть на себя как на возможного свидетеля преступления.

Именно в этот момент зазвонил телефон.

Номер был скрыт.

— Корнеев слушает.

Несколько секунд в трубке молчали.

Потом женский голос произнёс:

— Миша, не ищи Марину.

У него перехватило дыхание.

Он узнал этот голос.

Не потому, что слышал его недавно. Потому что когда-то слышал каждый день.

— Лена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.